

М. Г. Гальченко

О написаниях с *є* вместо *ѣ*
в югозападныхорусских рукописях
XII—XIV вв.

Вопрос об интерпретации написаний с буквой *є* в соот-
ветствии с этимологическим «*ять*» — один из наиболее сложных
вопросов, возникающих при лингвистическом исследовании па-
мятников древнерусской письменности. Несмотря на то, что
этой проблеме уделялось много внимания и для ее выяснения
следано немало, в первую очередь, А. А. Шахматовым [Шах-
матов, 1885—1895 и 1915] и Н. Н. Дурново [Дурново, 1924—1927 и
1933], В. В. Виноградовым [Виноградов, 1922—1923], а в послед-
нее время — В. М. Живовым, Б. А. Успенским [Живов, Успен-
ский, 1984; Успенский, 1968 и 1987] и А. А. Зализняком [Зализ-
няк, 1986], несомненно остается все же много. При этом мы распе-
даем недостаточным количеством исследований, специально
посвященных рассмотрению указанного явления не в отдельных
взятом памятнике, а в больших или малых группах памятников,
созданных в одном регионе Древней Руси.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть напи-
сания с буквой *є* в соответствии с этимологическим «*ять*» (**ъ* и
ряде юго-западных (галицко-волынских, древнеукраинских) ру-
кописных книг XII—XIV вв. Прежде всего, мы пытались уста-
новить, связаны ли такие написания с фонетикой живого гово-
ров пислов данных рукописей. Впрочем, независимо от того, соот-
ветствуют ли написания с *є* вместо *ѣ* в юго-западных рукописях
XII—XIV вв. каким-либо фонетическим реальным говоря писла,
указанные написания интересуют нас и сами по себе с точки
зрения изучения древнерусской графики и орфографии, неспо-
ра на то, что такие написания в рассматриваемых рукописях де-
статочно редки и не всегда подчиняются определенным пра-

вам. Как писал Г. О. Винокур, «можно и должно изучать орфогра-
фические факты в их объективной данности, независимо от того,
какими правилами употребления они продиктованы и в какой сте-
пени они вообще отвечают тем или иным правилам» [Винокур,
1939, с. 463]. В данной статье речь пойдет только об употреблении
буквы *є* вместо *ѣ* только в юго-западных рукописных кодексах
XII—XIV вв. Вопрос о мене указанных графем в юго-запа-
дной деловой письменности 2-й половины XIV в. мы не рассмат-
риваем. (О мене *ѣ*—*є* в памятниках деловой письменности см. Лу-
шевца, 1987, с. 93; Самойленко, 1954, с. 29.) Вследствие стремления
работать с относительно однородным материалом, мы исследовали
только те памятники, в которых имеются достаточно многочисленные
написания, отражающие существование в говоре их пислов
«нового *ять*», возникшего из этимологического **ъ* в слогах перед
слабым редуцированным **ъ* или **ѣ* после падения редуцированных.

Поскольку орфографические факты следует рассматривать не
изолированно, а с точки зрения образуемой ими системы, мы,
производя настоящее исследование, стремились учитывать по-
возможности все особенности употребления буквы *ѣ* и *є* в рас-
сматриваемых рукописях, обращая особое внимание на случаи
мене *ѣ*—*є*. Однако в рамках настоящей статьи не представляется
возможным дать полную картину употребления буквы *ѣ* и *є* в ис-
следованных памятниках. Мы не будем подробно останавли-
ваться на употреблении указанных графем в соответствии с
новым *ять*, отметим только, что в этом случае в юго-западных
рукописях пишется как *є*, так и *ѣ*. (Отражение «нового *ять*» в ор-
фографии юго-западных рукописей рассмотрено А. И. Соболев-
ским — [Соболевский, 1883].)

Существенно, что в пятидцати просмотренных нами юго-
западных рукописях XII—XIV вв. буква *ѣ* пишется в соответствии
этимологическим **ъ* почти исключительно в тех позициях, где за-
**ъ* следовал слог со слабым редуцированным **ъ* или **ѣ*, т. е. отра-
жает «новый *ять*». В других позициях написания с буквой *ѣ*
**ъ* в соответствии с этимологическим **ъ* (обычно пе-
редлающим в рукописях буквой *є*) очень немногочисленны и
легко объясняются достаточно очевидными морфологическими и
графическими аналогиями. Таким образом, подавляющее боль-
шинство написаний с *ѣ* вместо *є* строго обусловлено фонетиче-
ски. Поэтому, оставив в стороне слова с «новым *ять*», будем
условно говорить о написаниях с *є* вместо *ѣ* так, как если бы ме-
на *ѣ*—*є* была односторонней.

Во всех рассматриваемых нами юго-западных рукописях указанная мена чаще всего происходит в тех же самых категориях слов, которые были выделены А. А. Шахматовым в различных восточнославянских рукописях — начиная с древнейших — по признаку наиболее частого смещения в них ф и е:

1) в неполногласных сочетаниях, прежде всего с сонантом г, например: *врѣ(е)ма, прѣ(е)дѣ*; реже — в сочетаниях с сонантом / типа *пакѣ(е)нѣ* (здесь и далее написание основы или словоформы с буквой е в скобках после ф обозначает, что в данной основе или словоформе в рукописях наблюдается мена указанных букв).

2) в основе *тѣ(е)лес-*;
3) в окончаниях Д. и М. падежей местоимений *тєѣ(е), сєѣ(е)*;

4) в суффиксе *-ѣвъ* в словах *гвѣѣ(е)въ, коупѣ(е)въ, ознѣѣ(е)въ*. Написания с буквой е вместо ф в данных группах слов, выявлялись книжными, А. А. Шахматов и вслед за ним Н. Н. Дурново связывали с особым церковным произношением ф, близким к [е] (см. Шахматов, 1885—1895, с. 213—215).

Мена буква ф—е в словах с дифтонгом *аи — гамидѣ(ѣ)иде(ѣ)онѣ, пре(ѣ)терѣ* и т. п., а также в именах на *-еос, онос-матфе(ѣ)и, амаре(ѣ)и* и др. часто встречается не только в восточнославянских, но и в старославянских памятниках — Мариинском и Зографском кодексах [Селишев, 1951, с. 262—263].

Частая мена ф—е в основе *мѣ(е)ч(а)-*, по мнению Н. Н. Дурново, отражает морфологические, а не фонетические явления [Дурново, 1924—1927, VI, с. 49—54].

Написания с *к* или *е* вместо *ф* в корнях *ѣд-, ѣзд-, ѣхд-* в конце слова после буквы гласного в соответствии с русским *ѣ* (старославянским «е носовым») в падежных окончаниях прилагательных, по мнению А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново, свидетельствуют о том, что «ять» в данной позиции произносился как [je] (с неслоговым /) [Шахматов, 1885—1895, с. 213—215; Дурново, 1924—1927, VI, с. 49—54].

Мена ф—е нередко отмечается в исследуемых рукописях также в следующих случаях:

1) в формах глагола не быти — *нѣ(е)смь, нѣ(е)сте*,
2) в приставке со значением неопределенности *нѣ-* (*нѣ(е)-кто*) и т. п. Очевидна связь подобных написаний с написаниями отрицательной частицы *не*.

Кроме того, употребление буквы е вместо ф часто наблюдается в суффиксе повелительного наклонения глаголов, особенно в

форме 2 л. мн. ч. — *сверѣ(е)те, соудѣ(е)те, пакѣ(е)те* и т. п., что, по-видимому, обусловлено смещением при письме форм повелительного наклонения с формами настоящего времени.

Все указанные выше случаи мены ф—е мы отделим от других случаев написания буквы е вместо ф и в подсчете процента мены этих букв в рассматриваемых рукописях не включаем. В остальных случаях буква ф в юго-западных рукописях XII—XIV вв. употребляется этимологически правильно, лишь изредка в соответствии с этимологическим *ѣ пишется е. Именно такие сравнительно редкие написания с е в соответствии с этимологическим *ѣ являются основным предметом рассмотрения в настоящей работе.

В ряде юго-западных рукописей XII—XIV вв. мена ф—е практически не встречается или отмечается всего несколько раз на всю рукопись. Таковы Бучайское Евангелие первой половины XIII в. [ДМУИ, Рк. F 688/38912], Галицкое Евангелие 1266—1301 гг. [РНБ, Ф. п. 1. 64], юго-западная часть XIV в. Миниеи № 100 [РГАДА, ф. 381].

Из рассмотренных нами пятнадцати юго-западных рукописей XII—XIV вв. наибольшее количество написаний с буквой е вместо ф — свыше 0,5% от общего числа словоформ с этимологическим *ѣ — имеется в шести рукописях: Добролюбовом Евангелии 1164 г. [РГБ, Рум. 103] (далее — ДЕ) — приблизительно 1%, Выголекинском сборнике конца XII в. [РГБ, М. 1832] (далее Выг. сб.) — 2%, Типографском Евангелии конца XII в. [РГАДА, ф. 181 № 452] (около 1%, Архивской Дестяше XIII в. [РГАДА, ф. 181 № 452] (АД) — приблизительно 0,7%, Евангелии Верковича конца XIII — первой половины XIV в. [РНБ, Ф. п. 1. 99] (Е. Верк.) — приблизительно 2%, в Дуклом Евангелии второй половины XIV в. [РГБ, Рум. 112] (ДЕ) — около 1%. Точный подсчет процента мены ф—е имеется лишь для Выг. сб. Он сделан по словоказателю в издании «Выголекинский сборник» М., 1977. Подсчеты процента мены ф—е в остальных рукописях — приблизительно, поскольку мы не располагали словоказателем для этих рукописей. (Для приблизительной оценки процента мены ф—е в этих рукописях подсчитывали по 20—30 листам среднее на один лист количество словоформ с этимологическим *ѣ, кроме тех словоформ, которые исключены из общего подсчета, как указано выше. Это количество умножали на число листов в изучаемой рукописи (если писец один) или на число листов, написанных одним писцом (если писцов в рукописи несколько). Число написаний с буквой е в соответствии с этимоло-

логическим *ѣ, отмеченных в данной рукописи (в пределах одного почерка), делили на приближительное число словоформ с этимологическим «ять» и умножали на 100.) О мене ѣ-е в этих шести рукописях мы будем говорить наиболее подробно. Нами исследовались также написания с буквой е вместо ѣ еще в трех рукописях — Евангелии XIV в. [ИРЛИ, Древлехранительше. Отд. пост. Шифр Р IV, оп. 25, № 30] [ЕИРЛИ], Паренесисе Ефрема Сириня до 1288 г. [РНБ, Пол. 71а] [Пар. ЕС] и Холмском Евангелии конца XIII в. [РГБ, Рум. 106] [ХЕ]. В двух последних рукописях мена ѣ-е встречается существенно реже, чем в шести упомянутых выше. Написания с е вместо ѣ анализируются отдельно для каждого почерка. ДЕ, АЛ, ХЕ, Е Верк., ДЕ написаны от начала до конца одним письмом. Рассматривая мена ѣ-е в Выг. сб., ТЕ, Е ИРЛИ, мы имеем в виду мена ѣ-е в больших частях этих рукописей, написанных основным письмом. Для того, чтобы установить границы почерков в Пар. ЕС, необходимо провести специальное исследование. В данном случае нам придется отступить от принципа рассмотрения написаний с е вместо ѣ в пределах одного почерка и анализировать такие написания в пределах целой рукописи.

Основную задачу мы видим в том, чтобы установить, какие факторы влияют на частоту мены ѣ-е в рассматриваемых рукописях.

Прежде всего мы пытались определить, имеется ли зависимость частоты написаний буквы е вместо ѣ от такой графической позиции, как конец строки. Выяснилось, что в четырех рукописях — ДЕ, ТЕ, АЛ, ДЕ — такая зависимость имеется. Наиболее чистый случай представляет собою ДЕ, в котором буква е пишется в соответствии с этимологическим «ять» главным образом на конце строки. В ДЕ отмечены 63 написания буквы е вместо ѣ на конце строки (в это число не входят аналогичные написания в тех группах слов, которые, как указывалось выше, исключались нами из общего подсчета процента мены в рукописях; в этих группах слов в ДЕ и других рукописях мена наблюдается как на конце, так и в середине строки). При этом не на конце строки в ДЕ отмечено всего 7 написаний с буквой е в соответствии с этимологическим *ѣ: 3а/матрерьша 264д, 3а/мтрерьшин (2 х) 265а, нцѣаеадоху 267а, не весте/ 306, при де ватен же го/Антѣ 233г, надеже (Р. ед.).

В ДЕ е пишется вместо ѣ на конце строки почти в 6 раз чаще, в АЛ — в 3—4 раза чаще, а в ТЕ — в 2,5 раза чаще, чем не на конце строки.

Тот факт, что буква е пишется в соответствии с этимологическим *ѣ почти исключительно на конце строки в ДЕ и что указанная мена происходит преимущественно чаще на конце, чем в середине строки, еще в трех упомянутых юго-западных рукописях XIII—XIV вв., представляется нам очень интересным. Исследователи обычно видели в написаниях с буквой е в соответствии с этимологическим *ѣ если не опisku, то, по крайней мере, некое произвольное нарушение писем правил употребления буквы ѣ. Однако произведенный нами анализ написаний с е вместо ѣ в ДЕ показывает, что, хотя такие написания у писца этой рукописи редки, они, тем не менее, подчиняются определенному графическому правилу. Следовательно, писец ДЕ употребил в определенных случаях букву е вместо ѣ на конце строки сознательно. Смысл замены е на ѣ на конце строки, на наш взгляд, достаточно ясен: буква е в рукописях XII—XIV вв. в два или три раза уже, чем буква ѣ, а писцы старались соблюдать границы столбца текста. При этом большинство писцов — особенно в XIII и XIV веках — предпочитали оканчивать строку буквой гласного. Так, писец ТЕ конца XII в. очень строго соблюдает правило, предписывавшее оканчивать строку буквой гласного. Писцы ДЕ 1164 г. и АЛ XIII в. в этом отношении не столь пунктуальны, но и они обычно оканчивают строку буквой гласного. Вполне вероятно, что писцы ТЕ, АЛ, ДЕ писали букву е вместо ѣ на конце строки тоже сознательно.

Известно, что на конце строки в древнерусских рукописях часто наблюдается факкультативная замена одной графемы на другую, представляющую собою ее графический дублет. Графемы-дублиеты вступают в корреляцию: «широкая» графема — «узкая» графема. В таких отношениях находятся графемы «вошьмеричное» и «десятеричное», диграф ѿ и диграфа ѿ ѿ (или в некоторых рукописях XII в. — диграф ѿ и ѿ), графемы ѿ и ѿ, «узкое» и «широкое», «узкое» и «широкое» или ѿ (см. Шепкин, 1967, с. 117—118). Тот факт, что графема ѣ и е могут на конце строки вести себя подобно таким графемам-дублетам, насколько нам известно, еще не был отмечен.

Существенно, что не все юго-западные писцы употребляют букву е вместо ѣ сознательно, как, например, писец ДЕ. Так, писец Выг. сб., видимо, считал по крайней мере значительную часть допущенных им написаний с е в соответствии с этимологическим «ять» нарушением нормы и старался их исправить. Исправления буквы е, написанной в соответствии с *ѣ, на букву ѣ

имеются также в *E* Верх. Следует предположить, что были какие-то факторы, вызывавшие у писцов этих двух рукописей — очевидно против воли самих писцов — написания с *e* вместо *ѣ*.

В Выг. сб., ХЕ, Е Верх., Е ИРЛИ графическая позиция конца строки не влияет на частоту мены *ѣ*-*e*. Таким образом, графическая позиция конца строки не является единственным условием мены указанных букв в юго-западных рукописях XII—XIV вв.

Известно, что в северных украинских (полесских) говорах безударный *ѣ* дает рефлекс [e] [Дурново, 1969, с. 192]. Поэтому мы прежде всего пытались установить, в каком положении по отношению к ударению находилась фонема «ять» в тех словоформах, в которых в рассматриваемых рукописях отмечены написания с буквой *e* в соответствии с этой фонемой. Установить акцентуацию многих словоформ трудно вследствие недостаточной разработанности украинской исторической акцентологии. Мы основывали свой анализ на той акцентной характеристике морфем в составе рассматриваемых словоформ, которая указывается для них в акцентологической монографии А. А. Зализняка [Зализняк, 1985]. Прежде всего мы пытались определить отдельные для каждой рукописи, в каком количестве словоформ из числа всех словоформ, в которых отмечены написания с буквой *e* вместо *ѣ*, ударность фонемы *ѣ* устанавливается достаточно надежно. (При этом мы считали наиболее показательными те случаи, где фонема **ѣ* находилась в корневой морфеме с акцентной характеристикой «самоударность» и на эту фонему должно было падать ударение.) Предполагаемая акцентуация словоформ сопоставлялась с их акцентуацией в современном украинском языке по словарям: Гринченко, 1958; Потробиный, 1964.

По такой приблизительной оценке оказалось, что в словоформах, в которых наблюдается мена *ѣ*-*e*, фонема *ѣ* являлась ударной в *E* Верх. и Пар. ЕС почти в половине всех случаев (46%), в ДЕ и Выг. сб. — примерно в 40% случаев, в ТЕ — более, чем в 30% случаев. В ХЕ, где мы обнаружили всего 12 написаний с буквой *e* вместо *ѣ*, половина этих написаний приходится на словоформы с ударным *ѣ*. В АЛ и ДЕ много словоформ, в которых трудно установить акцентуацию, но, по крайней мере, ясно, что буква *e* пишется в соответствии с **ѣ* в этих рукописях не только в безударной позиции, но и под ударением.

Таким образом, можно думать, что написания с буквой *e* вместо *ѣ* в рассматриваемых рукописях не отражают полесского эффекта перехода *ѣ* в [e] в безударной позиции.

Необходимо также рассмотреть зависимость частоты написания букв *e*, *н* вместо *ѣ* от характеристик согласного, предшествующего фонеме *ѣ*.

В Выг. сб. буква *н* пишется в соответствии с **ѣ* почти исключительно после букв *д*, *н*, соответствующих как паллательным, так и исконно непаллательным согласным. При этом не более четверти написаний с *e* вместо *ѣ* в Выг. сб. можно связать с паллательностью предшествующего согласного или объяснить аналогией с теми случаями, где перед *ѣ* был паллательный согласный. По-видимому, действовал еще какой-то другой фактор, обусловивший появление указанных написаний в Выг. сб. Хотя мена *ѣ*-*e* встречается после букв, соответствующих исконно мягким согласным, и в других рассматриваемых нами рукописях, особенно часто в слове *ныць*(*e*), в формах Р. ед., например: *земае* (ТЕ, Е ИРЛИ), *дуже* (ТЕ), *мѣще* (ТЕ, второй почерк, 3 х), *надеже*, *пр'а*че (ДЕ), но подавляющее большинство написаний с *e* вместо *ѣ* отмечается в этих рукописях не после букв исконно мягких согласных.

Довольно высокая частота написаний с буквой *e* вместо *ѣ* после букв губных согласных в ДЕ (49% от всех случаев указанных мены), Выг. сб. (35%), Е Верх. (34%), ДЕ (34%), на наш взгляд, малопоказательна, т. е. позиция фонемы [ѣ] после губных является весьма частотной; естественно, что сочетание «губной + *ѣ*» встречается в ряде корней, наиболее употребительных в текстах Евангелий и других книг. (Например, в Мстиславском Евангелии XII в. корень *кѣр*- употребляется 238 раз, *кѣа* — 449, *кѣт*- (*кѣц*) — 347 раз. Подсчеты выполнены по словоупотреблению в издании «Апракос Мстислава Великого» М., 1983.) К тому же оказывается, что довольно высокая частота написаний с буквой *e* вместо *ѣ* после губных может быть связана с повышенной частотой таких написаний в определенных корнях или основах. Так, в Выг. сб. на корень *кѣ*(*e*)*с*-, основу *прѣ*мѣ(*e*)*н*- и формы слова *кѣм*(*e*)*н*е приходится более 80% всех написаний с буквой *e* вместо *ѣ* после губных.

В *E* Верх. и АЛ довольно большая доля написаний с буквой *e* вместо *ѣ* приходится на позицию *ѣ* после *р* (соответственно 30% и 26% от числа всех подобных написаний в данных рукописях). Несколько повышенная частота мены *ѣ*-*e* после *р* в *E* Верх. и АЛ может быть, однако, связана не столько с какими-то качествами предшествующего звука, сколько с конкретными корнями и основами, в которых эта мена происходит. Так, в *E* Верх. подавляющее большинство написаний после *р* (12 из 15) приходится на корни

рѣ(е)х-, зврѣ(е)т-, основу *зврѣ(е)-*. В АЛ 5 из 7 написаний с *е* вместо *ѣ* после *р* приходится на корни *зврѣ(е)т-, рѣ(е)ш-* (нездаре: шеню? 33б, нездарешьн' 8г, раздаре/шжтъсд 80г).

Подобная картина наблюдается и в Выг. сб.: в данной рукописи 9 из 12 написаний с *е* вместо *ѣ* отмечены в корнях *обрѣ(е)т-, рѣ(е)ч-, сирѣ(е)ч-*. Мы не отрицаем возможности влияния на мену буква *ѣ—е* таких фонетических факторов, как, например, отвердение [r'] или, что несколько менее вероятно, особое произношение сочетаний губных согласных с *ѣ* (типа произношения *вѣера, мѣера* в люблинских говорах — см. Ганцов, 1923). Однако имеющиеся у нас данные того-западных рукописей XII—XIV вв. не позволяют сделать определенных выводов относительно отвердения [r'] или особой артикуляции сочетаний *ѣ* с губными. Кроме того, за счет этих двух факторов нельзя было бы объяснить мену *ѣ—е* ни в одной отдельно взятой рукописи из числа рассматриваемых.

Мы стремились установить, зависит ли частота написаний с *е* вместо *ѣ* от характера следующего слога. Рассмотрение сложного вопроса о качестве согласных перед **i, *e* в юго-западных говорах XII—XIV вв. не входит в нашу задачу. Здесь мы при подсчетах условно объединяем позиции *ѣ* перед палатальными согласными и перед слогом с гласными переднего ряда (в том числе слабыми редуцированными **ь* и **ы*) и условно обозначаем их *«ѣ + С'»*. При анализе зависимости частоты написаний с *е* вместо *ѣ* от характера следующего слога мы приняли в качестве рабочей гипотезы о мягкости согласных перед гласными переднего ряда в юго-западных говорах рассматриваемого периода. Понятно, что если с мягкостью следующего согласного нельзя будет связать все или большую часть случаев указанной мены при предположении, что мягкими были все согласные перед гласными переднего ряда, то тем более очевиден отрицательный результат, если позиция *ѣ* перед мягким согласным была более редкой. Для того, чтобы сделать полностью обоснованный вывод о наличии или отсутствии зависимости частоты мены *ѣ—е* от характера следующего слога, следовало бы сопоставить процент написаний с *е* в сочетании *ѣ + С'* и процент аналогичных написаний в сочетании *ѣ + С* от общего количества данных сочетаний в рассматриваемых текстах. У нас не было возможности провести эти трудоемкие подсчеты, поэтому мы указываем только доли, приходившиеся соответственно на позиции *ѣ + С'* и *ѣ + С* и позицию конца слова от всех написаний с *е* вместо *ѣ* в рассматриваемых ру-

кописях. Оценивая эти данные, исходим из предположения, что позиция *ѣ + С'* не менее частотна, чем позиция *ѣ + С*.

В Де, Выг. сб. АЛ характер следующего слога практически не влияет на частоту мены *ѣ—е*. Хотя очевидно, что буква *е* в соответствии с этимологическим **ѣ* в ДЕ и ТЕ пишется преимущественно в позиции *ѣ + С'*: на эту позицию приходится приблизительно 80—85% от всех написаний с *е* вместо *ѣ* в данных рукописях, показательность этих цифр ослабляется тем обстоятельством, что частота мены *ѣ—е* в ДЕ и ТЕ существенно зависит и от других факторов. Оказывается, что в обеих рукописях одни слова существенно чаще пишутся с буквой *е* вместо *ѣ*, чем другой меной, выявилось, что из них 26 написаний (т. е. 72%) приходится на следующие пять случаев, на основу *свѣдѣ(е)теа-* (10 х с *е* вместо *ѣ*), корень *дѣ(е)з—* исключительно в форме аориста 3 ед. *вѣдѣ(е)зе* (5 х), основу *псѣдѣ(е)д-* (7 х), формы слова *мѣдѣ(е)не* (2 х), а также редко встречающиеся в свантлевском тексте слова *кѣмѣ(е)шьнеж* (2 х с *е* вместо *ѣ*), *кѣмѣ(е)шьнимъ*. Кроме нахождения в составе определенной словоформы, на частоту мены *ѣ—е* в ТЕ, как уже отмечалось выше, влияет графическая позиция конца строки. Как и в ТЕ, в ДЕ на частоту рассматриваемой мены влияет, во-первых, положение буквы, соответствующей фонеме [ѣ], по отношению к концу строки, во-вторых, нахождение *ѣ* в определенных словах. Так, больше половины написаний с *е* вместо *ѣ* в данной рукописи (27 из 49) приходится на пять основ: *ствѣдѣ(е)ща-* (7 х с *е* вместо *ѣ*), *псѣдѣ(е)ды-* (5 х), *кѣмѣ(е)зн-* (8 х), *дѣ(е)д-*, *цѣ(е)дк-* (7 х). Из оставшихся 22 написаний с *е* вместо *ѣ* 17 (т. е. 77%) приходится на конец строки.

В различных классах морфем причины мены *ѣ—е*, как можно предпологать, не совсем одинаковы. Например, флексии в большей мере подвержены действию морфологической аналогии или каких-либо нерегулярных аналогий, возникающих при письме, чем корни.

В рамках настоящей статьи мы можем сколько-нибудь подробно остановиться только на написаниях с буквой *е* вместо *ѣ* в корневых морфемах. Зависимость частоты написаний с *е* вместо *ѣ* от того, в каком корне, основе или слове (для нечленных слов) находится *ѣ*, условно обозначим как зависимость частоты указанной мены от лексического фактора. Наиболее ярко выражены действие лексического фактора в Выг. сб., ТЕ, Е Врк., ДЕ¹⁰.

Так, например, в Выг. сб. 67% от тех написаний с ϵ вместо ѣ в данной рукописи, которые отмечены не после буквы исконно мягкого согласного и которые нельзя объяснить достаточно очевидноными аналогиями, приходится на корни $\text{вѣ}(\epsilon)\text{с}$ ($\text{вѣ}/\text{из } \epsilon/\text{с}$ И. ед. 4 об., 6 об., 8, 15, 15 об., $\text{вѣ}/\text{из } \epsilon/\text{с}$ в. мн. 30 об.), $\text{рѣ}(\epsilon)\text{ч}$, $\text{сирѣ}(\epsilon)\text{ч}$ (рѣч В. ед. 152 об., рѣчи м. мн. 168 об., $\text{сирѣ}/\text{из } \epsilon/\text{ч}$ 83 об., 148), основу $\text{превѣ}(\epsilon)\text{н}$ (пременики И. ед. 154, премениху дѣлѣ 77 об., премениса 87, $\text{превѣ}/\text{из } \epsilon/\text{мники}$ И. ед. 122). (О действии лексического фактора в ТЕ и ДЕ уже говорилось выше.) В Е Верк. написания с ϵ вместо ѣ чаще всего отмечаются в корнях $\text{вѣ}(\epsilon)\text{р}$ (вероуемь 28в, вероуете 4а, вереть 66а, 88г, 89г), $\text{грѣ}(\epsilon)\text{х}$ (грехуоць 24а, грешеть 51а, сѣгрешиху 107в), $\text{оврѣ}(\epsilon)\text{т}$ (оврете 36, 43г, 84г, овретеса 71а, овре/тоша 9а, оврѣтѣне 137г).

В ДЕ, АД, Е ИРЛИ влияние лексического фактора на частоту мена ѣ — ϵ выражено менее ярко, чем в упомянутых четырех рукописях. В ДЕ по частоте написаний с ϵ вместо ѣ выделяется корень $\text{чмѣт}(\epsilon)\text{к}$, в АД — формы слова $\text{разѣт}(\epsilon)\text{не}(\text{ѣ})\text{не}$ (раздѣнтѣне 64а, раздѣнтѣна 64а, раздѣнѣнѣна 64б), корни $\text{оврѣ}(\epsilon)\text{т}$ (овре/тохь 60б, прноворе/сти 94в) и $\text{рѣ}(\epsilon)\text{ш}$ (незарешеноу 35б, незарешени м. ед. 8г, раздѣре/шактса 80г), в Е ИРЛИ — корни $\text{вѣ}(\epsilon)\text{с}$ (веса Р. мн. 32а, ш бесашено/са 34б, беснуоуше/моу 57г).

Хотя в различных рукописях набор корней, в которых мена ѣ — ϵ наблюдается особенно часто, различен, однако при сопоставлении картины указанной мены в корневых морфемах в девяти рассматриваемых рукописях обращает на себя внимание особая частота написаний с ϵ вместо ѣ в трех корнях: $\text{вѣ}(\epsilon)\text{с}$, $\text{оврѣ}(\epsilon)\text{т}$, $\text{сѣт}(\epsilon)\text{д}$ (главным образом в составе основы $\text{прсѣт}(\epsilon)\text{днѣ}$). Интересно отметить, что в данных корнях написания с буквой ϵ вместо ѣ зафиксированы в пяти или шести из девяти рассматриваемых рукописей, причем во всех трех корнях обнаруживается повышенная частота мена ѣ — ϵ сразу в двух рукописях. Трудно сказать, чем объясняется повышенная частота рассматриваемой мены в корнях $\text{вѣ}(\epsilon)\text{с}$ и основе $\text{прсѣт}(\epsilon)\text{днѣ}$. Частая мена ѣ — ϵ в корнях $\text{оврѣ}(\epsilon)\text{т}$, очевидно, обусловлена тем, что слова с данным корнем являются специфически книжными, они были неизвестны живому говору писцов. Кроме рассматриваемых нами рукописей, ряд написаний с буквой ϵ вместо ѣ в этом корне отмечен в первом почерке Успенского сборника XII—XIII вв.: оврете 1г, 2а, в, г, 30а, 31г, 35б, оврете 30а, оврета 16б (см. издание 1971 г.). В первом почерке Успенского

сборника имеются и написания с ϵ вместо ѣ в корне $\text{вѣ}(\epsilon)\text{с}$: весе 18в. Аналогичное написание встретилось также в Румянцевской Лествице конца XII в., также, очевидно, юго-западной по своему происхождению (Тихомиров, 1965, с. 95): весе 85г. Повышенная частота мена ѣ — ϵ в рассматриваемых рукописях наблюдается также в корнях $\text{вѣ}(\epsilon)\text{р}$ и $\text{грѣ}(\epsilon)\text{х}$. Интересно отметить, что написания с ϵ вместо ѣ в данных корнях имеются также в двух древнейших рукописях — Изборнике 1073 г. (вероуж) и в Златогрне XII в. (СК, с. 113) (сѣгрешеникъ , Тв. ед.) — и Венском Октоихе (коллексе Ганкештейна) XIII в. (пререшени) (см. Shevelov, 1979, 196). Наиболее интересным, пожалуй, является тот факт, что буква ϵ вместо ѣ употреблена в корне $\text{грѣ}(\epsilon)\text{х}$ в евангелистической формуле на мозаике церкви архангела Михаила в Киеве (около 1108 г.): вѣ вставаеники грехев (см. Лазарев, 1986, табл. 285). Понятно, что при выполнении надписи в технике мозаики возможность механической описки почти исключена.

Из числа суффиксальных морфем мена ѣ — ϵ нередко наблюдается в юго-западных рукописях рассматриваемого периода в сложном суффиксе ѣнѣ существительных, производных от глаголов с суффиксальным ѣ . Особенно часто наблюдается указанная мена в формах слова $\text{имѣ}(\epsilon)\text{нѣ}$. Причина повышенной написаний с ϵ вместо ѣ в данном суффиксе достаточно очевидна. Такие написания могут отражать контаминацию суффиксов ѣнѣ и енинѣ , тем более что в юго-западных рукописях регулярна мена буква ѣ — ϵ в соответствии с «новым ѣ ». Мена буква ѣ — ϵ в словах типа $\text{знаме}(\text{ѣ})\text{нѣ}$ (в соответствии с «новым ѣ ») могла появиться собой аналогичную мена в словах типа $\text{имѣ}(\epsilon)\text{нѣ}$ (в соответствии с этимологическим ѣ), тем более что отглагольные существительные с суффиксами ѣнѣ и енинѣ , очевидно, относились к числу специфически книжных слов. Очень часто мена ѣ — ϵ в рассматриваемых рукописях наблюдается в основе $\text{сѣвѣдѣ}(\epsilon)\text{телѣ}$. По-видимому, эти написания связаны с нерасчленимостью в древнерусских рукописях написаниями форм зорѣста и форм настоящего времени $\text{сѣвѣ}(\epsilon)$ с ϵ на конце, имеющими нерасчленимость, морфологическую причину (может быть, они отражают образование не от основы глагола сѣвѣдѣти , а от основы атематического глагола вѣстѣти). Обращают на себя внимание также написания с ϵ вместо ѣ в редкой в текстах большинства рукописей (в том числе Евангелии) глагольной основы $\text{заматерѣ}(\epsilon)$, отмеченные в трех списках Евангелия, причем в ДЕ — три раза. Не исключено, что такие написания возникли под влиянием орфо-

граммы мѣре Р. ед. Мени ђ-е в окончаниях существительных и местоимений в большинстве случаев можно объяснить за счет морфологической аналогии или различных аналогий, возникающих при письме (см. об этом в работе: Гальченко, 1989, Приложение, с. 112—120).

Таким образом, мы установили, что во всех рассматриваемых нами рукописях на частоту мены ђ-е оказывает влияние лексический фактор. Такой графический фактор, как конец строки, оказывает влияние на частоту написаний с е вместо ђ в ДЕ, ТЕ, АЛ и ЛЕ; его действие наиболее ярко выражено в ДЕ. В большинстве, если не во всех рассматриваемых рукописях написания с буквой е в соответствии с этимологическим ђ не дают оснований, на наш взгляд, для какого-либо строгого фонетического вывода, который удовлетворял бы следующим требованиям: 1) объяснить бы все отмеченные случаи (кроме тех, которые легко объяснить за счет каких-нибудь аналогий); 2) был бы единственно возможным. (Исходим из того, что говорить о фонетической значимости факторов мены буква можно лишь тогда, когда очевидна невозможность иного объяснения.)

Существенно, что написания с е вместо ђ отмечаются в юго-западных восточнославянских памятниках раньше XIII в., когда в среднеболгарских памятниках начинают отражаться изменения $\acute{e} > e$ (см. Мирчев, 1963, с. 108). Очевидно, указанные написания в ДЕ 1164 г., Выг. сб. и ТЕ конца XII в. не обязаны своим появлением влиянию западноболгарских прототипов. Нельзя исключать, что мена ђ-е появилась под влиянием западноболгарских (македонских) оригиналов в древнерусских юго-западных рукописях конца XIII—XIV вв., особенно таких, как Пар. ЕС и Е. Век.

Рассматриваемые написания с е вместо ђ в древнерусских рукописях представляют значительные трудности для лингвистической интерпретации. Начиная с XIX в. до последнего времени выдвигались различные гипотезы для объяснения указанных фактов. В настоящей статье невозможно рассмотреть все эти гипотезы (о них см. в работе: Гальченко, 1989, Приложение, с. 129—137). Большой известностью и авторитетом до сих пор пользуется выдвинутая А. А. Шахматовым и Н. Н. Дурново гипотеза об особом церковном произношении ђ — более открытым, чем в живых древнерусских говорах, близком к [e] (Шахматов, 1885—1895, с. 213—215; Дурново, 1926—1927, VI, с. 49—54). Возникновение такого произношения, по мнению А. А. Шахматова и Н. Н. Дур-

ново, объясняется тем, что русские воспринимали открытый [e] южных славян как свой звук [e]. Г. Шевелев предполагает, что открытые церковное произношение ђ было принято не только в северных и северо-восточных областях Древней Руси, но и на юго-западе (Shevelov, 1979, 432—433). Указанная гипотеза хорошо соответствует данным древнерусских (в том числе юго-западных) памятников: написания с е вместо ђ наблюдаются прежде всего в специфически книжных словах. Однако, как указывает Г. Шевелев, данную гипотезу трудно подтвердить фактами, называемыми из памятников: аргументация представляет собою порочный круг: «формы с е вместо ђ должны быть церковными, поскольку на Руси было церковное произношение» и «в церковном произношении произносились [e] вместо [ђ], поскольку написания с е вместо ђ в церковных словах обнаруживаются в текстах» (Shevelov, 1979, 433).

Иная гипотеза о церковном произношении ђ высказывается Б. А. Успенским и В. М. Живовым (Живов, Успенский, 1984, с. 217—218). Согласно этой гипотезе (основанной прежде всего на анализе литургического произношения старообрядцев-беспоповцев), в Древней Руси сочетание «буква согласного + ђ» читалось с мягким согласным звуком, а сочетание «буква согласного + е» — с твердым согласным. Такое произношение формировалось в Киеве на основе диалекта, в котором мягкость согласного и ряд гласного были связаны в слоговом синтагматизме, откуда и возникла оппозиция /С'ђ—С'е/. В качестве книжного это произношение распространилось и на ту территорию, в частности, новгородскую, где противопоставление рефлексов *ђ и *е выражалось только в качестве гласных, т. е. было противопоставление /С'ђ—С'е/. Твердому произношению согласных перед [e] носителям таких диалектов пришлось специально обучаться, поэтому в конце концов твердость или мягкость согласного оказалась единственным признаком, противопоставлявшим ђ и е в книжном произношении представителей северных говоров, что и привело к смешению указанных букв при письме. На юго-западе Древней Руси, по мнению Б. А. Успенского, книжное произношение совпадало в данном аспекте с живым и изменялось вместе с ним. В современной унияцкой церкви ђ читается как [i] (Успенский, 1987, 7, 8). Впрочем, как пишет Г. Шевелев, не известно, когда такое произношение было введено в церковную практику (там же). Б. А. Успенский пишет, что «смещение ђ и е наблюдается только в памятниках северного

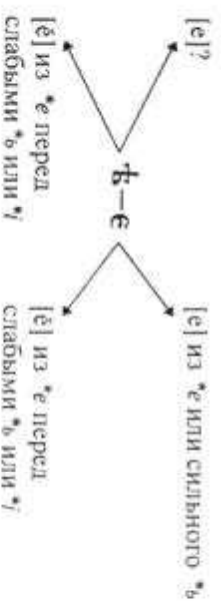
происхождения». Как показывает наше исследование, столь категоричное утверждение не соответствует данным памятников, хотя частота написаний со смешением указанных графем в ряде новгородских и псковских памятников выше, чем в юго-западных. Однако следует учитывать, что последних до нас дошло значительно меньше, чем новгородских памятников. Существенно, что в единственной обнаруженной в настоящее время юго-западной берестяной грамоте в единственной строке три раза подряд буква *ѣ* заменена буквой *е* (Зализняк, устное сообщение).

Выдвигая гипотезу о церковном произношении *ѣ* в Древней Руси, В. М. Живов и Б. А. Успенский исходят из предположения, что в юго-западных говорах согласные никогда не были мягкими перед *[e]*, но это предположение трудно считать доказанным.

Говоря о церковном произношении, особенно Юго-Западной Руси, мы не можем выйти из области гипотез, мы не располагаем и, вероятно, никогда не будем располагать по этому вопросу надежными данными.

На наш взгляд, в самой графико-орфографической системе юго-западных рукописей рассматриваемого периода существовали условия, способствовавшие появлению написаний с буквой *е* в соответствии с этимологическим **ѣ*. Буква *е* в графико-орфографической системе юго-западных рукописей XI—XIV вв. соответствует не только звуку *[e]* (из **e* и сильного редуцированного **я*), но и звуку *[ɛ]* (из **e* перед слогом со слабым редуцированным **я* или слабым редуцированным **i*) в случаях типа *о немъ, знаменник, земни, кѣща* и т. п. Буква *ѣ* в этих рукописях употребляется в соответствии с *[ɛ]* — «старым» и «новым» и, может быть, также в соответствии с *[e]* — в словах с неполногласным сочетанием *рѣ*. (Не исключено, что хотя бы некоторые, если не все, слова с этим неполногласным сочетанием были усвоены в Древней Руси со звуком *[e]*: характерно, что в современном украинском языке в приставках *прѣ-, прѣд-, прѣдѣ-* в целом ряде слов произносится звук *[e]*: *прѣдѣлиця, прѣдок, прѣкрасно, прѣмудрий, прѣнадобий, прѣснодниця, прѣсти, прѣчисла* и др. — см. Гринченко, 1958, III, с. 403—405.)

Отношения графем *ѣ* и *е* в графико-орфографических системах юго-западных рукописей XII—XIV вв. могут быть представлены при помощи схемы:

Из этой схемы видно, что буквы *ѣ* и *е* в графико-орфографических системах юго-западных рукописей XII—XIV вв. функционировали как частичные дублеты. Можно думать, что графема *е* в паре *ѣ—е* была для юго-западных писцов «немаркированной». Написание с буквой *ѣ* в соответствии с **e* перед слогом со слабым редуцированным **y* или **i* (типа *знаменник, аѣматѣмъ, тѣмъсѣмъ, гѣрѣмъ, о немъ* и т. п.) являлись локальной нормой юго-западной письменности. Ни для южнорусских, ни для древнерусских рукописных книг других регионов подобные написания были не характерны. По сравнению с такими рукописями юго-западные рукописи могли восприниматься как «перенаасыщенные» буквой *ѣ*. Написания слов с «новым *ятъ*» с буквой *е* (типа *знаменник, аѣматѣмъ, тѣмъсѣмъ, гѣрѣмъ, о немъ* и т. п.) не противоречили орфографическим нормам юго-западных писцов. Написания слов с неполногласными сочетаниями с буквой *е* юго-западные писцы могли часто встречать как в рукописях своего региона, так и в других древнерусских рукописях. Таким образом, практика использования всех случаев, когда, не нарушая нормы, можно было употребить и букву *ѣ*, и букву *е*, написания с *е* являлись нейтральными, характерными не только для юго-западной нормы, но и для норм других регионов. Немаркированность графемы *е* в паре графем — частичных дублетов *ѣ* и *е* могла способствовать спордическому употреблению *е* в соответствии с этимологическим **ѣ* в юго-западных рукописях XII—XIV вв.

Автор выражает глубокую благодарность А. А. Зализняку и О. А. Книжеской за интерес к этому исследованию и ценные советы в ходе его выполнения и В. М. Живову за обсуждение его результатов.

Список сокращений

- В. — винительный падеж
 в. — век
 вв. — века
 Д. — дательный падеж
 ед. — единственное число
 ж. — женский род
 и. — именительный падеж
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом), древлехранилище
 л. — лист
 ЛМУИ — Львовский музей украинского искусства. Отдел рукописных и старопечатных книг
 М. — местный падеж
 м. — мужской род
 мн. — множественное число
 об. — оборот (листа)
 Полг. — Собрание М. П. Погодина — РНБ
 Р. — родительный падеж
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГБ — Российская государственная библиотека
 РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
 Рум. — Собрание Н. П. Румянцева — РГБ, ф. 256
 СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI—XIII вв. М., 1984
 ср. — средний род
 Тв. — творительный падеж
 ф. — фонд
 ч. — число

Список литературы

- Галыченко, 1989 — М. Г. Галыченко. К истории письменности и языка юго-западной Руси XII—XIV вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. Основной том; Приложение. (На правах рукописи.)
- Гинюв, 1923 — В. Гинюв. Диалектология клавификация украинских говоров К., 1938.
- Гринченко, 1958 — Б. Д. Гринченко. Словарь украинской мови. К., 1958.
- Гуцелка, 1987 — Л. Л. Гуцелка. Погляди Л. А. Булаховского на найдавшу українську писемно-літературну мову // Л. А. Булаховский и современное языковедение. К 100-летию со дня рождения: сб. к. научных трудов. К., 1987. С. 90—95.
- Дурново, 1924—1927 — Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянски филолог, IV, 1924, с. 72—94, V, 1925—1926, с. 93—117; VI, 1926—1927, с. 11—64.
- Дурново, 1933 — Н. Дурново. Славянское правописание XI—XII вв. // Slavia, 2, 1933, 1—2.
- Дурново, 1969 — Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969.
- Живов, Успенский, 1984 — В. М. Живов, Б. А. Успенский. Оппозиция рефлексов * и *ʎ в книжном правописании и исторической диалектологии // Социальное положение диалектологии и истории языка. Ужгород, 1984. 18—20 сент.: тезисы докладов и сообщений; т. II. М., 1984, с. 217—218.
- Зализняк, 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской: М., 1985.
- Зализняк, 1986 — Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
- Лазарев, 1986 — В. Н. Лазарев. История византийской живописи. М., 1986.
- Мирчев, 1963 — К. Мирчев. Историческа граматика на български език. София, 1963.
- Порубиний, 1964 — М. И. Порубиний. Словник наголосів української літературної мови. К., 1964.
- Самійленко, 1954 — С. П. Самійленко. До характеристики полтавсько-київського діалекту за пам'ятками XVIII ст. // Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. К., 1954. С. 20—41.
- Селищев, 1951 — А. М. Селищев. Старославянский язык. Часть I. М., 1951.
- Соболевский, 1883 — А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. К., 1883.
- Тихомиров, 1965 — Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. II // Записки ОР ГЕЛ. Вып. 27. М., 1968.
- Успенский, 1968 — Б. А. Успенский. Архангелская система переконсолятивного правописания. М., 1968.

- Успенский, 1987 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.
- Шахматов, 1885—1895 — А. А. Шахматов. Исследования о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885—1895.
- Шахматов, 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шенкин, 1967 — В. Н. Шенкин. Русская палеография. М., 1967.
- Shevelov, 1979 — G. Y. Shevelov. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.

Werner Lehfeldt (Göttingen)

Как работали переписчики Московского посольского приказа в XVI столетии?

Дипломатические отношения между Высокой Портой и Кремлем были установлены при султানে Баязиде II (1481—1512) соотв. великом князе Иване III (1462—1505). Первое письмо Ивана III датируется 1492 годом, и в 1496 великий князь получил ответ османского повелителя. О возникновении и дальнейшем развитии дипломатических контактов между Московским государством и Османской империей можно прочитать в историографической литературе (ср., например, Смирнов 1946; Spuler 1935a; 1935b; 1936), этим вопросом мы здесь заниматься не будем.

Исходной точкой для рассмотрения предмета представляемой статьи является вопрос о том, на каком языке, точнее говоря, на каких языках были написаны грамоты, которыми обменялись великие князья Иван III и Василий III (1505—1533), с одной стороны, и султаны Баязид II, Селим I (1512—1520) и Сулейман (1520—1566), с другой. Что касается грамот, отправленных великими князьями, то, конечно, их язык — московский приказной язык: о котором мы хорошо осведомлены благодаря публикации многих численных документов и целому ряду исследований (ср., например, фундаментальный труд Улбегаш 1935). Об этом можно судить по публикации грамот великих князей в *Сборнике Императорского русского исторического Общества*, т. 41 (1884), т. 95 (1895) (ср. об этом Рогожин 1981). В *Сборнике* опубликованы также грамоты вышеназванных султанов. Несмотря на это, определить язык этих грамот представляется делом более трудным, ведь «в нашем архиве большинство грамот представлено лишь в русском переводе, тогда как подлинники, как можно установить, были написаны на турецком, арабском, сербском и греческом языках»